

**«ОН И ОНА» М. И. ВОСКРЕСЕНСКОГО:
ПАРОДИЯ ИЛИ ПОДРАЖАНИЕ
«ЕВГЕНИЮ ОНЕГИНУ» А. С. ПУШКИНА?**

В статье рассматривается роман М. И. Воскресенского «Он и она» в его соотношении с романом в стихах А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: подражает или пародирует беллетрист классика, в чём это проявляется. Почему для Воскресенского важно оттолкновение от пушкинского романа, и что нового он привносит попыткой «продолжить» классика, дав свой вариант развития действия.

Ключевые слова: пародия, подражание, сюжет, стиль, беллетристика.

N. P. Plechova

**«HE AND SHE» BY M. I. VOSKRESENSKIY:
PARODY OR IMITATION TO A. S. PUSHKIN'S «EUGENE ONEGIN»**

The article is devoted to the novel of M. I. Voskresenskiy «He and She» in its comparison with A. S. Pushkin's «Eugene Onegin». The author considers the question if «He and She» is a parody or an imitation of the Pushkin's novel. The author makes an attempt to answer the questions what Voskresenskiy takes from Pushkin, why he relies on Pushkin's plot and his heroes, and what new he brings to the story line offering his own variant of the plot development.

Key words: parody, imitation, style, belletristic.

Вопрос о «подражательности» и «пародийности» художественных произведений встаёт в 20-е гг. XIX века перед литературными критиками. Так, О. Сомов замечает: «Кстати о пародиях: в прошлом году досталось от них не одному покойнику Виргилию, но и живому Пушкину; ибо как назвать, если не пародиями поэм Пушкина, следующие стихотворные произведения: «Евгений Вельский», «Признание на тридцатом году жизни», «Киргизский Пленник», «Любовь в тюрьме», «Разбойник» и проч. и проч.? Назвав их подражаниями, не выразишь настоящего качества сих песнопений, ибо в них часто *пародированы* стихи Пушкина: т. е. или исковерканы, или взяты целиком и вставлены не у места. Но пусть бы это были чистые пародии: тогда, встрети в новом, юмористическом виде мечты и чувствования поэта, может быть, посмеялись бы и мы и сам Пушкин, а то совсем не в шутку так называемые подражатели его без зазрения совести живятся его вымыслами, созданными им характерами и собственными его стихами» [7, с. 53–54].

Проблемными выступают явления подражания и пародии: как их разграничивать, тем более в самих художественных текстах.

Ю. Н. Тынянов, рассматривая явление пародии, замечает, что комизм — необязательный её признак. Поскольку не все произведения, относящиеся к пародиям, комичны. Даже в комических пародиях, по замечанию Тынянова, дело не в комизме. Важнейшим признаком пародии Тынянов предлагает считать *направленность на другое произведение* [9, с. 288–289] (Курсив мой — Н. П.). Но и направленность на то

или иное произведение не всегда пародийна [9, с. 289–294], — отмечает исследователь. Тогда напрашивается вопрос: поскольку направленность на другое произведение относится и к подражательности, тогда в чём между ними разница?

А. А. Морозов отмечает, что признаком пародии выступает «второй план», т. е. само пародируемое произведение, кроме того, пародия предполагает критику пародируемого и через это утверждение иных эстетических принципов [4, с. 70].

Что касается подражания, то в литературоведческих словарях оно сближается с терминами *заимствование, имитация, варьирование, стилизация*.

Подражание, по И. Н. Розанову, «вытекает из желания приблизиться к образцу, сравняться с ним или превзойти... Подражание внешним приёмам граничит со *стилизацией*... Особым видом подражания могут быть собственные продолжения чужих произведений». При этом «необходимо различать подражание как выражение творческой несамостоятельности <...> и подражание как художественный прием...» [3, с. 283]. Заимствование, имитация, варьирование — то же, что подражание.

Стилизация — «последовательное и целенаправленное воспроизведение существенных черт стиля писателя, литературного течения...» [8, с. 373].

Что представляет собой роман Воскресенского «Он и она» (1836), роман автора-подражателя, уже известного пародиста Пушкина романом в стихах «Евгений Вельский» (1828–1829)?

В романе Воскресенского «Он и она» мы наблюдаем постоянную отсылку к Пушкину: использование в качестве эпиграфов строк из «Евгения Онегина», сходные черты героев и сюжетных линий.

В литературе мы часто наблюдаем использование типов героев, сюжета, который, «будучи вышелушен из стилевой ткани, оказался ёмким и пригодным не только в своем системном виде; в произведении вскрылись отчетливые формулы, пригодные для разных тематических измерений. Это объяснит нам своеобразное явление «пародического отбора»; одни произведения и одни авторы подвергаются пародическому использованию чаще и интенсивнее других [9, с. 290–299].

«Он» — герой романа Воскресенского — Владимир Вольский — предстаёт в начале романа «знакомым незнакомцем». Вольский — тип светского молодого человека, узнаваемого по своим чертам. Как в первой главе «Евгения Онегина» автор пишет о своём знакомстве с Онегиным, так и рассказчик Воскресенского выступает одновременно и действующим лицом, много раз встречавшим Вольского и испытывавшим симпатию к нему. Возможно, в этом следует видеть также намёк на уже созданного Воскресенским героя — Вельского — фамилия которого только одной буквой отличается от фамилии нового героя. Можно предположить, что автор романа видит своим ориентиром не только Пушкина, но и самого себя, уже выступившего на литературной сцене с романом-подражанием или пародией.

Симпатию рассказчика вызывает благородство в чертах и в походке героя, «умные выразительные глаза, меланхолическая полуулыбка ... что-то непонятное для ума, но слишком доступное сердцу заставляло его полюбить и полюбить сильно» [2, с. 9–10]. Кроме того, отсылку к «Онегину» в сопоставлении героев Воскресенский помещает в эпиграфе первой главы: «С героем моего романа / Без предисловий, сей же час / Позвольте познакомить вас» [5, с. 5]. Забегая вперёд, рассказчик Воскресенского произносит фразу относительно дамы, которую сопровождает его герой: «... не понравилась мне эта дама — кумир его обожания... богатый, блестя-

щий наряд её, изысканность в костюмировке, рассеянность взглядов, всё заставляло меня бояться за милого моего незнакомца. Не знаю почему-то мне казалось, что не этой женщине суждено осчастливить его своей любовью, казалось, она не может, не создана она так, чтобы понять и оценить все богатства, все сокровища души этого человека. Я почти дивился, как он мог любить её?..» [2, с. 11].

«Она» — Лизавета Павловна Розинская — светская дама, предстаёт перед читателем празднующей четвёртый год свадьбы и при этом изменяющей мужу на празднике с Владимиром. Вместе с тем рассказчик изображает их «небожителями»: «Это были какие-то два чистые существа... Это была в полных очерках женщина... Это был в полных очерках мужчина» [2, с. 45]. Заметим слащавую сентиментальность слога рассказчика, частые лирические отступления, носящие обобщающий, нравоучительный характер — о привлекательности некоторых физиономий, о красоте Москвы (в главе 3), о женщине; множество риторических восклицаний: «О, какой огонь блеснул в этом взоре!» и др. При этом в отступлениях от повествования заметны повторы, стилистические недочёты. Так, первые две главы начинаются синтаксически одинаково: «В конце апреля 183... года...», «В конце сентября 183... года...».

Первый диалог героев содержит аллюзии на пушкинский роман в стихах:

«Огненный! Ему бы всё жар, пламя!»

«Холодная! Ей бы всё снег, лёд!».

Следует заметить, что по своим характеристикам Вольский ближе Владимиру Ленскому, нежели Евгению Онегину. Так, совпадают их имена, похожи фамилии: Вольский — Ленский. Оба героя — романтики. На маскараде (главы 6 и 7) наблюдаются параллели с пушкинским романом в прозе: начало главы 6 — лирическое отступление о женских ножках, а также о бале: «...талии кличут объятия, локоны колышутся зефиром бальзамического воздуха, уста жаждут пламенного поцелуя, ножки, мило обутыя, сквозь полупрозрачный чулок, очаровывают душу...» [2, с. 66]. Ср. у Пушкина: «Летают ножки милых дам / По их пленительным следам / Летают пламенные взоры...» [5, с. 17], «В заветных иногда мечтах / Держу я счастливое стремя... И ножку чувствую в руках; / Опять кипит воображенья...» [5, с. 19].

В отличие от Евгения Онегина Владимир Вольский не разочарованный юноша. В этом он близок неискущённому в любви Ленскому. Подобно Ленскому, ревновавшему Ольгу, Вольский ревнует Лизавету Павловну к Вихреву, светскому повесе, франту (напоминающему денди и «пылкого повесу» Онегина). Но Лизавета Павловна поощряет ухаживания Вихрева (в отличие от Ольги Лариной в ситуации с Онегиным), и он увлекается ею.

Композиция романа выстроена таким образом, что историю жизни героя мы узнаём из части II, где рассказывается о его молодости. Глава VIII «Всесвятское» имеет эпиграфом строки из главы второй «Евгения Онегина»: «Деревня, где скучал Евгений...». Описание кабинета Вольского схоже с онегинским: бюст Наполеона, в гостиной — портрет Байрона, книги в основном романтического направления: Гюго, Тик, Гофман. На столе у Вольского атрибуты романтического героя — женская перчатка и полуувядшая роза.

Татьяна, посещая имение Онегина, читая его книги, задумывается о том, кто её герой: «чудак печальный и опасный», «Ужели подражанье, / Ничтожный призрак... // Чужих причуд истолкование, / Слов модных полный лексикон?.. / Уж не пародия я ли он?» [5, с. 149]. Пародия на романтического героя? Что же в таком случае представляет собой Вольский?

Описание характера Вольского схоже с описанием характера Ленского: он окончил университет, много читал, жил «свободною и независимою жизнью» [2, ч. 2, с. 7]. Он был поэт, всюду видящий «восторженность и идеальность» [2, ч. 2, с. 7]. Ленский: «Он из Германии туманной / Привёз учёности плоды: / ...Дух пылкий и до-вольно странный, / Всегда восторженную речь...» [5, с. 33–34].

Вольский: мечтает о «чём-то неясном, неопределённом» [2, с. 17]. Ленский: «Его лелеяла надежда, / И мира новый блеск и шум / Его пленяли юный ум. Он забавлял мечтою сладкой / Сомненья сердца своего; // Цель жизни нашей для него / Над ней он голову ломал / И чудеса подозревал [5, с. 34].

Вольский и Ленский относятся к любви восторженно. Для обоих это чувство девственно, ведь они сталкиваются с ним впервые. В этом они противопоставлены Онегину, ловкому и опытному в любви, которому всё наскучило.

Во вторую часть романа рассказчик Воскресенского вводит в повествование Ивана Петровича Бронзова (снова пушкинская параллель — *Иван Петрович Белкин*), друга Вольского.

Параллель с Иваном Петровичем Белкиным усматривается только в имени. По интересам и образованию герои совершенно различны. Если Бронзов учился в университете, то Белкин — у церковного дьячка, Бронзов ничем не интересуется, не имеет никаких привязанностей, кроме еды. Белкин, как и Вольский, интересуется литературой, но никак не хозяйством (которым интересовался Онегин). Бронзов — человек со слабой волей, «скудной» душой [2, ч. 2, с. 22]. Бронзову даже неважно, какое место занимать на службе, лишь бы что-то делать, не быть одному. Бронзов — герой далёкий от поэзии, характеристики рассказчика, данные ему, неблагоприятны, в отличие от тех, что даёт издатель Белкину.

Тем более странно сравнение «холодного мелочного существа» [2, ч. 2, с. 22] Бронзова с пылким Вольским в параллели с Онегиным и Ленским, которое производит рассказчик Воскресенского, уже вторично вводя в повествование пушкинские строки: «Они сошлись — вода и пламень, / Стихи и проза, лёд и пламень» [5, с. 37].

Бронзов — герой приземлённый. Так, говоря о мотиве женитьбы, он ест яблоки и признаётся Вольскому в том, что женится потому, что все женятся. Женившись, Бронзов не испытывает восторгов от молодой жены, он ждёт от неё занятия хозяйством, а она, как и Вольский, увлекается музыкой и поэзией. Одно утешает Бронзова — приданое Серафимы Сергеевны в сто душ.

По мнению рассказчика, как человек «пустой, полуобразованный» (несмотря на то, что окончил университет, — заметим мы), Бронзов не умел «вполне оценить счастья владеть такою женщиной» [2, ч. 2, с. 46]. Усматривая прямую отсылку к пушкинским героям, читатель романа Воскресенского невольно задаётся вопросом: что сближает Вольского с Бронзовым? Между ними, как у Ленского с Онегиным, не было споров, которые бы влекли «к размышлению» [5, с. 38]. Более того, Бронзов, скорее, похож на соседей пушкинских героев, которых и Онегин, и Ленский бежали, от их разговоров «о сенокосе, о вине, о псарне, о своей родне...» [5, с. 36].

Серафима Сергеевна производит сильное впечатление на Вольского, описанное рассказчиком слащаво-сентиментальным стилем: так, забытый Серафимой Сергеевной платок, пахнувший жасминными духами, «ударил так нежно его обонятельные органы и мягкий скользкий батист так мило ласкался к его пальцам» [2, ч. 2, с. 24]. Или описание игры на фортепьяно: «Женщина, сидящая за фортепьяно и играющая

порядочно, есть уже что-то большее, лучшее, нежели обыкновенная женщина. Мы переселяем её из нашего бедного мира в этот волшебный, гармонический мир звуков, которые чаруют наш слух и сердце. Этими чудными звуками она разговаривает с нами. В этих, то диких, то полуумирающих под её пальцами аккордах, она то стонет бурно, то вздыхает нежно от страсти своего сердца» [2, ч. 2, с. 42].

Сильное впечатление, произведённое Серафимой Сергеевной на Вольского, рассказчик объясняет неискущённостью героя, его незнанием женщин. Сравним с Ленским: «Он сердцем милый был невежда» [5, с. 34].

В главе IV «Признание» с предпосланным эпиграфом из письма Татьяны Лариной Онегину читатель готовится к тому же сюжетному ходу, но герои Воскресенского ведут себя иначе. В сравнении с пушкинской Татьяной, Серафима Сергеевна вынуждена искать себе утешение в одинокой замужней жизни в деревенской глуши. Она находит его в страстно влюблённом в неё Вольском. Подобно пушкинской героине, она отказывает притязаниям Вольского, но делает при этом довольно необычное отступление: даёт любовнику обещание принадлежать ему только при равных условиях: если он будет женат. Трудно представить себе пушкинскую Татьяну, шантажирующую Онегина подобным условием.

Женой Вольского становится Маргарита, подруга жены Касьяна Фёдоровича Розинского. Обе пары венчаются в одно время. Знакомство друзей с будущими жёнами происходит во время выпускного домашнего спектакля, на котором обе играли роли любовниц, и, по замечанию рассказчика, снова забегающего вперёд, «они обе были на своём месте». Героини показаны с самого начала абсолютно различными в отношении к своим избранникам. Лизавета Павловна, жена Касьяна Фёдоровича, открыто говорит подруге о предстоящих изменах мужу, над которым откровенно смеётся. Для Маргариты подобное поведение недопустимо.

Вольский был равнодушен к обеим женщинам, он мечтал о соединении с Серафимой, поэтому его свадьба похожа на похороны. (Заметим, что Онегина трудно представить обманывающим Татьяну подобным образом). Кроме того, что оказывается символичным: Владимир во время венчания роняет кольцо невесты на могильную плиту. Письма другу Аркадию раскрывают читателю переживания героя. Так, цитируя Пушкина, герой пишет о своём женатом состоянии: «Привычка небом нам дана / Замена счастию она» [5, с. 45].

Третьей женщиной, «ею», становится для Владимира, опустошённого, страдающего от невозможности быть с Серафимой, покинувшей своё имение, Лизавета Павловна, с которой он быстро сближается «от пустоты душевной». Об этом мы узнаём из главы II части 2 «Вторая любовь», которой снова предпосланы в эпиграфе строки Пушкина: «О люди! все похожи вы / На прародительницу Еву: / Что вам дано, то не влечёт; / Запретный плод вам подавай» [5, с. 177].

Композиционно новую сюжетную линию рассказчик объясняет модной тенденцией времени: «В наше время... начинают частёхонько романы с того, чем бывало оканчивали. Лет за десяток назад, бывало автор кладёт перо, если герой его романа женился... А нынче совсем не то. Тут-то только и начинается главный интерес романа...». Рассказчик извиняет себя в этой «совсем не похвальной *подражательности*» [2, ч. 3, с. 6] (Курсив мой — Н. П.). Сравним с рассказчиком «Евгения Онегина», признающимся в том, что, хотел бы написать «роман на старый лад... Не муки тайные злодейства / Я грозно в нём изображу...» (к чему обращается в «Он и она» Воскре-

сенский) «Но просто вам перескажу / Преданья русского семейства, / Любви пленительные сны / Да нравы нашей старины» [5, с. 56–57].

В главе IV части III рассказчик раскрывает очередной пушкинский эпиграф: «Что может быть на свете хуже, / Семьи, где бедная жена / Грустит о недостойном муже, / И днём и вечером одна. / А жалкий муж ей цену зная, / Судьбу однакож проклиная, / Всегда нахмурен, молчалив, / Сердит и холодно-ревнив» [5, с. 79]. Строки из проповеди Онегина Татьяне наводят на параллель ситуаций: Владимир и Маргарита представляют пример пары Евгений — Татьяна, как если бы Онегин ответил на её письмо согласием и женился. Воскресенский будто пытается представить пушкинский сюжет иначе, перевернув его, но, перевернув сюжет, он показывает опрометчивость поступка Владимира, хотя и не даёт ему прямой оценки.

В этой главе Маргарита признаётся Владимиру в том, что давно знает о его обмане и оплакивает в нём мужа и человека, потерявшего благородство. Внезапная смерть Маргариты заставляет Вольского переживать свою вину и считать себя виновником этой смерти и моральных страданий умершей.

Как оказывается позже, Маргарита осталась жива, и другую часть своей жизни она использовала для создания мистических ситуаций, пугающих Владимира, чтобы отравить его жизнь ревностью и страхом. Маргарита превращается в злобную и мстительную женщину, однако её месть не приводит к должному результату. Если бы Вольский всё время своего вдовства мучился собственной несправедливостью и виной по отношению к умершей жене, то цель Маргариты была бы достигнута. Но этого не происходит.

Герои Воскресенского поверхностны. Они в какой-то мере «соответствуют» в определённые периоды своей жизни пушкинским героям, но их характеры не выдержаны. Так, Вольский вначале описан как романтический герой, и в этом похож на Ленского, но на новом этапе своей жизни, потеряв Серафиму и вступив в связь с Лизаветой Павловной «от пустоты сердца», он становится пошлым.

Кто из героинь романа Воскресенского отражает черты пушкинской Татьяны? Ни одна из них. Серафима Сергеевна, хотя в конечном итоге и не становится любовницей Вольского, всё же её желание изменить при равных с Владимиром статусах в семейной жизни умаляет героиню. Она толкает Владимира, одержимого страстью к ней, на моральное преступление. Только в конце романа Серафима появляется в роли монахини будто бы для спасения героя, но мы не знаем, что привело её к этому, как неизвестной остаётся для нас и судьба её мужа, друга Владимира.

Маргарита вначале также своим спокойствием, верностью мужу приближается к пушкинской Татьяне, но после её так называемой смерти и созданных ею мистических моментов, она, скорее, вызывает ужас читателя.

Главная героиня — «она» — Лизавета Павловна — низкое и подлое существо в отношении ко всем персонажам: к мужу Касьяну Фёдоровичу, к Вольскому, к своей подруге Маргарите. Лизавета Павловна — пустая светская дама, меняющая любовников, предающаяся плотским удовольствиям. Странно то, что «она» — это Лизавета Павловна, а не другая героиня, по сравнению с главным женским персонажем Пушкина Татьяной.

Роман «Он и она» буквально соткан из пушкинских цитат. Воскресенский переписывает «Онегина» на свой лад, дополняя своё произведение элементами нраво-описательного, готического, детективного, светского, любовного романа. Но слог

романа «аффектированный» [10, с. 244], лица неестественны, всюду чувствуется не-самостоятельность автора в слоге, в характере изображения лиц. Все герои романа искусственны, в них нет ни одной черты, которая бы делала их похожими на живых людей. Посягательство автора на сравнение с пушкинскими героями не оправдано, поскольку ощущается явное «недоотягивание» романа Воскресенского до образцовости Пушкина. Произведение Воскресенского, напрашиваемое на сравнение с образцом высокой классики, обнаруживает откровенную слабость и в художественном отношении несостоятельность.

Все поступки героев надуманы. Так, главные лица романа — «он» и «она» — сближаются друг с другом из скуки. Она — из ветрености, он — от душевной пустоты. Между ними нет любви, их отношения напоминают быстротечную интрижку, не претендующую на глубину чувств и серьёзное продолжение отношений. Их связь крайне пошлая. То же касается первой любви Вольского к Серафиме Сергеевне. Герой не имеет истинно романтического чувства, оно опошлено плотскими притязаниями, не говоря уже о его браке с Маргаритой, который не имеет никакой под собой почвы, даже простейшей симпатии. Брак Владимира основан на лжи, на разрушении не только своей, но, что важнее, чужой жизни.

В романе нет счастливых героев, за исключением, пожалуй, Лизаветы Павловны и Касьяна Фёдоровича: им хорошо во всех жизненных положениях.

Ни один из трёх представленных браков не реализуется по-настоящему. Везде — притворство, пародия на настоящий брак, а в случае с Владимиром даже хуже: брак для него равен смерти. Только Розинские довольны своим супружеством: жена по складу характера, муж — по глупости.

Даже обращение Владимира к христианству, оправданное единственно стремлением разрешить странности, происходящие в его жизни, ложны, притворны. Но при этом, заметим, рассказчик нигде не даёт оценки своим главным героям.

Считать ли роман Воскресенского подражанием или пародией пушкинскому? С традиционной точки зрения на пародию как осмеяние чужого произведения роман Воскресенского не пародия. Мы не ощущаем в нём четко угадываемого «второго плана». Присутствие Пушкина, на которое постоянно намекает автор в эпиграфах и цитируемых беллетристом строках, не имеет ничего комического. Отношение к Пушкину, судя по всему, у Воскресенского соответственно отношению малозначимого писателя к образцовому автору. Если Воскресенский переосмысливает Пушкина, то не снижающе. И тем более он не претендует на контраст своему образцу. Воскресенский, скорее, продолжает пушкинскую сюжетную линию, отталкивается от неё, поэтому в романе беллетриста нет столкновения двух планов, что характерно для пародии.

Стилизацией роман Воскресенского также не может быть назван, т. к. это прозаический роман, в отличие от романа в стихах Пушкина. В стиле, в языке Воскресенский — подражатель писателям романтического и сентиментального направлений. Скорее, «Он и «она» представляет «особый вид подражания» — «собственное продолжение чужих произведений» [6, с. 603–605]. К роману Воскресенского относится также и то, что его роман «следует лишь общим чертам оригинала, ограничивается его тематикой или продолжает и развивает его ..., наполняя его новым материалом, оно остаётся в ряду подражаний...» [4, с. 51].

Роман Пушкина служит Воскресенскому макетом — «очень удобный знак литературности, знак прикрепления к литературе вообще» [9, с. 290], поскольку само-

стоятельно беллетрист не способен создать нечто значимое, через обращение к классическим героям и сюжетам (Пушкину, Грибоедову) он приобщает себя к литературе высшего порядка. Вместе с тем Воскресенский занимает свою нишу третьестепенных писателей [1, с. 321], которые пользуются востребованностью у своего читателя, а современному исследователю интересны с точки зрения широты литературного поля и разнообразия «литературных рядов».

Литература

1. Белинский В. Г. Русская литература в 1841 году // Белинский В. Г. Собрание сочинений: В 9 т. Т. 4. М.: Художественная литература, 1979. С. 276–340.
2. Воскресенский М. И. Он и она. Ч. 1–4. М.: Тип. Т. Волкова и К^о, 1858.
3. Кедров К. А. Подражание литературное // Литературный энциклопедический словарь / Под ред. В. М. Кожевникова и П. А. Николаева. М.: Советская энциклопедия, 1987. С. 283.
4. Морозов А. Пародия как литературный жанр (К теории пародии) // Русская литература. 1960. № 1. С. 48–78.
5. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 17 т. Т. 6. М.: Изд-во АН СССР, 1937.
6. Розанов И. Н. Подражание. Словарь литературоведческих терминов: В 2-х т. Т. 2. С. 603–605; см. также // feb-web.ru
7. Сомов О. Обзор российской словесности за 1828 год // «Северные цветы на 1829 год». С. 53–54.
8. Троицкий В. Стилизация // Словарь литературоведческих терминов. Ред.-сост. Л. И. Тимофеев, С. В. Тураев. М.: Просвещение, 1974. С. 373.
9. Тынянов Ю. Н. О пародии // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. С. 284–309.
10. Энциклопедический словарь: репринтное воспроизведение издания Ф. А. Брокгауза, И. А. Ефрона: В 86 т. Т. 13. М.: Терра, 1991. С. 244.